

© 2009 г.

А.С. СТЫКАЛИН

ТОФИК МУСЛИМОВИЧ ИСЛАМОВ (1927–2004)

Тофик Муслимович Исламов, крупный специалист по истории Австрии и Венгрии, проблемам международных и межнациональных отношений в Средней (или Центральной) Европе в новое и новейшее время, своими работами оставил заметный след в отечественной исторической науке¹. Человек высокого профессионализма и громадной эрудиции, Т.М. Исламов снискал уважение коллег-историков не только дома, в России, но и далеко за ее пределами – его приглашали выступать с лекциями в университетах Вены и Будапешта, ввели в редакционный совет солидного американского издания “Остриен хистори ээrbук”.

Тофик Муслим оглы Исламов (именно так было бы правильнее его называть) родился 1 мая 1927 г. в Баку в семье железнодорожного служащего. Многодетную семью не миновали утраты, выпавшие на долю многих советских семей: старший брат Тофика погиб на одном из фронтов Великой Отечественной войны.

В 1946 г., по окончании средней школы, Тофик Исламов поступил в Азербайджанский госуниверситет. Незаурядные способности юноши были замечены уже на первом курсе: по рекомендации преподавателей он был направлен в Ленинград для продолжения образования на истфаке ЛГУ. Позже, переведенный в МГУ, он закончил в 1951 г. Московский университет и поступил в аспирантуру Института истории АН СССР.

В 20 лет навсегда уехав из Баку, Т.М. Исламов не порывал связей с родной землей, всегда живо интересовался происходящим на Кавказе и в Закавказье. С конца 1980-х годов, когда прежде скрытые до поры до времени этнические противоречия обернулись острыми кровавыми конфликтами, Т.М. Исламов особенно внимательно следил за развитием ситуации. Он поддерживал связи с азербайджанской элитой, имел свою точку зрения на пути разрешения межнациональных конфликтов, которую ненавязчиво излагал при встречах с этнологами. Остро воспринимал любые предубеждения против выходцев с Кавказа. Человек, неплохо знавший ислам и культуру народов Ближнего и Среднего Востока, он всю жизнь, однако, тянулся к высокой европейской культуре, принимал ее базовые духовные ценности. На мусульманский мир он умел смотреть как изнутри, так и извне.

В юности Т.М. Исламову повезло с учителями. В Ленинграде он слушал лекции Е.В. Тарле, учился у О.Л. Вайнштейна, Н.П. Полетики. В Москве его учителями были Н.Е. Застенкер, А.С. Ерусалимский, Р.А. Авербух, опубликовавшая несколько больших и долгое время лучших в советской историографии работ по истории венгерской

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Говоря о Средней (Центральной) Европе, мы имеем в виду регион, за которым в англоязычной литературе прочно закрепилось трудно переводимое на русский язык понятие “East-Central Europe”, т.е. речь идет о восточной части Центральной Европы, тогда как западной следует считать в первую очередь Германию. Для Т.М. Исламова термин “Средняя Европа” был более предпочтительным, нежели “Центральная Европа”. См.: *Исламов Т.М., Фалькович С.М.* Средняя Европа в Новое время (XVIII в. – 1918 г.). М., 1996. С. 96.

и австрийской революций 1848 г. Свою кандидатскую диссертацию он выполнил под руководством Е.И. Рубинштейн, известного специалиста по истории Первой мировой войны. По окончании аспирантуры, Т.М. Исламов работал в Институте истории АН СССР рядом с Б.Ф. Поршневым, А.З. Манфредом, Б.Г. Вебером, В.М. Лавровским, Ф.В. Потемкиным. Особенно большую роль в становлении молодого историка сыграл В.М. Турок-Попов, человек удивительной биографии и незаурядного научного дарования, не только известный знаток истории Австрии, особенно межвоенной, но и участник многих исторических событий XX в. В юности, в 1920-е годы, В.М. Турок, выполняя поручения Коммунистического Интернационала молодежи, жил в Вене, ставшей в то время пристанищем для революционеров из разных стран Средней Европы и Балкан². Он поддерживал контакты и с венгерскими политэмигрантами, а уже на склоне лет, занимаясь исследовательской работой, внимательно следил за публикациями венгерских историков, которые мог читать на языке оригинала. Свой интерес к проблемам общественно-политических движений в странах Средней Европы, и не в последнюю очередь в Венгрии, В.М. Турок-Попов передал Т.М. Исламову, вероятно, наиболее способному из своих учеников³.

Уже став зрелым ученым, Т.М. Исламов работал рядом с Ю.А. Писаревым, И.С. Миллером, В.А. Дьяковым, В.И. Фрейдзоном и ленинградцем А.С. Мыльниковым. Долгие годы дружбы связывали его с В.Н. Виноградовым, Г.Г. Литавриным, В.П. Шущариным, В.Л. Мальковым. Постоянное общение с этими видными историками также способствовало повышению его профессионального мастерства.

С начала 1950-х годов в силу политической конъюнктуры все большее внимание в СССР стало уделяться изучению истории стран “народной демократии”. Вводятся новые специализации на истфаке МГУ, а также в аспирантуре Института истории АН СССР. Т.М. Исламов еще старшекурсником начал изучать венгерский язык, тема по венгерской истории была предложена ему при поступлении в аспирантуру.

В послевоенные годы восстанавливается в правах историческая славистика, разгромленная в начале 1930-х годов. Для славистических исследований создается соответствующая институциональная база (в 1939 г. в МГУ была образована кафедра истории южных и западных славян, а в 1947 г. возобновил работу Институт славяноведения АН СССР). Хуже обстояло дело с изучением истории Венгрии, Румынии, Албании. В сравнении с молодыми историками-славистами, которые могли опереться на давнюю и богатую, хотя и искусственно прерывавшуюся традицию в отечественной науке, начинающий специалист по Венгрии, прошедший хорошую подготовку по всеобщей истории, хотя и мог получить консультации опытных страноведов-унгаристов (главным образом, выходцев из коммунистической эмиграции), все-таки в большей мере был вынужден полагаться на собственные силы и чаще идти по историографической целине – контакты с коллегами в самих изучаемых странах, обмен необходимой научной литературой налаживаются несколько позже, со второй половины 1950-х годов. Из кандидатской диссертации Т.М. Исламова, защищенной в 1955 г., вырастает солидная по объему (более 400 стр.) монография “Политическая борьба в Венгрии в начале XX века” (М., 1959). Ее логическим и хронологическим продолжением стала другая его работа, “Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. 1906–1914” (М., 1972). Через год после выхода в свет она была защищена в качестве докторской диссертации – в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, куда Т.М. Исламов пришел вместе с другими специалистами по странам Средней Европы в 1968 г. вследствие реорганизации Института истории АН. Переведенная (в сокращении) на венгерский язык, эта книга была опубликована также в Венгрии в 1976 г.

² См. его мемуары – весьма интересный и в то же время почти невостребованный исследователями источник: *Турок В.М. Мое знакомство с революционерами и царевиками. – Международные отношения в Центральной и Восточной Европе. М., 1966, с. 151–170.*

³ Впоследствии Т.М. Исламов оставил о В.М. Туроке интересные воспоминания: *Исламов Т.М. В.М. доктор Турок. – Славяноведение, 1995, № 1.*

С самого начала сфера научных интересов Т.М. Исламова не ограничивалась началом XX в., распространялась на XVIII–XIX вв., причем историю Венгрии он всегда понимал широко – как историю земель венгерской короны в системе монархии Габсбургов, а с другой стороны, как историю венгерского этноса в его тесных и весьма непростых взаимоотношениях с соседними (немецким, славянскими, восточнороманским) этносами в регионе, где межэтнические и межгосударственные границы почти никогда не совпадали. В 1960-е годы сначала в недрах Института истории АН СССР, а позже в Институте славяноведения и балканистики готовились “История Венгрии” и “История Румынии”, каждая в нескольких томах. В “Истории Румынии. 1848–1917” (М., 1971) перу Т.М. Исламова принадлежали главы по истории Трансильвании, относившейся к землям венгерской короны. Будучи ответственным редактором второго тома трехтомной “Истории Венгрии” (М., 1972), охватывавшего период с конца XVIII в. по 1918 г., он проделал также огромную авторскую работу – в одиночку либо в соавторстве им было написано подавляющее большинство глав этого фундаментального труда, нашедшего позитивный отклик венгерских коллег. Над синтетическими страноведческими трудами Т.М. Исламов работал и позже – достаточно назвать “Краткую историю Венгрии. С древнейших времен до наших дней” (М., 1991), написанную им совместно с В.П. Шушариным и А.И. Пушкашем.

Вместе с тем со специфически венгерской тематики главный акцент в деятельности Т.М. Исламова постепенно перемещался на общие проблемы монархии Габсбургов. С середины 1970-х годов в Институте славяноведения и балканистики шла работа над многотомной серией монографий “Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры”. Ее венцом стал этапный для советской историографии двухтомник “Освободительные движения народов Австрийской империи” (М., 1980–1981 гг.), органично соединивший в себе разделы по истории отдельных земель и народов с проблемно-тематическими главами, написанными на материале разных частей полиэтничного государства. Перу Т.М. Исламова принадлежат в этом труде принципиально важные разделы, посвященные не только венгерскому национальному движению в его различных идейно-политических течениях, но и внешней политике империи. Главы о месте и роли монархии Габсбургов на международной арене, среди других европейских держав, предвосхитили более поздние работы ученого по этой тематике. С другой стороны, Т.М. Исламова интересовали проблемы этнической, в первую очередь этнополитической истории – формирования наций, национального сознания и самоопределения, возникновения и развития межэтнических конфликтов, а также теоретические аспекты национализма. В одном из коллективных трудов той же серии “У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе” (М., 1984), он проследил длительную эволюцию венгерской политической нации, включавшей в себя господствующий класс всех земель венгерской короны, к нации в ее современном понимании.

Не менее важным делом, нежели участие в крупномасштабных коллективных проектах, Т.М. Исламов считал работу над концептуальными статьями в исторической и общественно-научной периодике, способными вызвать отклик более широкого круга коллег, а иной раз и спровоцировать дискуссию. Его статьи публиковались в таких журналах, как “Вопросы истории”, “Свободная мысль”, “Россия и современный мир”, “Общественные науки и современность”, “Славяноведение” и другие, но главным своим журналом он считал “Новую и новейшую историю”, в редколлегии которого состоял около двух десятков лет. Способность Т.М. Исламова к широким обобщениям позволяла ему в рамках сравнительно небольшой журнальной статьи проводить, сопоставляя опыт разных стран и регионов, типологические параллели между процессами исторического развития, формирования наций, модернизации обществ. Статья “Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе”⁴ поло-

⁴ Исламов Т.М., Фрейдзон В.И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы. – Новая и новейшая история, 1986, № 1.

жила начало плодотворной дискуссии с участием ведущих отечественных историков. На большие теоретические обобщения Т.М. Исламов выходил и в статье “Абсолютизм в странах Западной Европы и в России. Опыт сравнительного изучения”⁵ (совместно с Е.В. Гутновой и С.О. Шмидтом). С другой стороны, Т.М. Исламову нередко приходилось выступать и в научно-популярных жанрах – его перу принадлежат предисловия и послесловия к произведениям венгерской исторической беллетристики (а также рассчитанным на широкую аудиторию книгам профессионалов-историков), опубликованным в русских переводах. Можно вспомнить документальную повесть Ш. Фекете “Лайош Кошут”, книгу историка Д. Шпира “Четыре судьбы. К истории политической деятельности И. Сеченьи, Л. Баттьани, Ш. Петефи и Л. Кошута”, историко-документальный роман И. Барта “Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа”.

В 1978 г., после смерти известного полониста И.С. Миллера, Т.М. Исламов возглавил в Институте славяноведения и балканистики АН СССР сектор (с середины 1980-х годов отдел) новой истории стран Центральной Европы, которым руководил около двух десятилетий. Он попытался создать на базе отдела первый и единственный в России комплексный центр по изучению Австрийской империи (Австро-Венгрии). Стремление Тофика Муслимовича не всегда находило понимание коллег, кое-кому оно казалось неоправданным вызовом многолетней традиции, в соответствии с которой монархию Габсбургов рассматривали почти исключительно как “тюрьму народов”, чей опыт организации многонационального пространства едва ли заслуживал (как априорно негативный) слишком внимательного изучения, а тем более переоценки. “Создание в 1867 г. двуединой Австро-Венгрии было лишь продолжением той же постоянной войны Габсбургов с поработанными народами. Не будучи в состоянии справиться с растущим национально-освободительным движением, австрийские правители переложили часть этих “забот” на Венгрию, выделив ее из других подвластных себе стран... Австрия, а потом Австро-Венгрия была и оставалась “тюрьмой народов” и тем самым вынесла себе смертный приговор”, – такая точка зрения была довольно характерна для отечественной науки даже конца 1980-х годов⁶.

Надо сказать, что к созданию этого живучего образа причастны не только марксисты. Негативное отношение к юго-западному соседу было характерно почти для всей дореволюционной отечественной историографии⁷. Т.М. Исламов считал это совсем не удивительным, ведь “империя Габсбургов воспринималась в первую очередь как исторический противник России, как главная ее соперница на Балканах, к тому же “незаконно” властвовавшая над славянскими народами Средней Европы – потенциальными проводниками русского влияния в регионе”⁸. Причем российская историография в своих отрицательных оценках дунайской монархии не была одинока. Образ “обветшалого царства” (Д. Ллойд-Джордж), “обреченного на гниение и распад”, доминировал в начале XX в. в публицистике и общественном мнении всех враждовавших с Австро-Венгрией и Германией государств, а с началом Первой мировой войны планомерная пропагандистская кампания по дискредитации Австро-Венгерской монархии набрала полную силу⁹.

⁵ Новая и новейшая история, 1985, № 3.

⁶ Вопросы литературы, 1989, № 11, с. 36–37.

⁷ В России, несмотря на географическую близость и многовековое соседство, несмотря на многообразие и интенсивность контактов с династией Габсбургов и ее владениями, австрийская проблематика оставалась, как правило, на периферии исследований зарубежной истории. Ситуация до некоторой степени стала меняться лишь в канун Первой мировой войны с появлением безвременно скончавшегося историка – петербургского приват-доцента П. Митрофанова.

⁸ Исламов Т.М. Конец средневропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории. – Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995, с. 31.

⁹ Некоторое исключение составляли разве что США – озабоченные в то время своими собственными проблемами и не проявлявшие пока еще большого интереса к европейским территориальным спорам. Новый свет оставался безучастным к страстям, кипевшим вокруг монархии

Не трудно, впрочем, впасть и в другую крайность: образ “тюрьмы народов” заменить не менее односторонним – их “дружной семьи”. В моменты обострений межнациональных противоречий в Центральной и Юго-Восточной Европе, этнических чисток (в том числе и на землях, когда-то принадлежавших Габсбургам, в частности, в Боснии) не только публицисты, но и историки, политологи в разных странах отдавали дань ностальгическим настроениям, не избегали соблазна противопоставить современной Средней Европе, а тем более Балканам монархию Габсбургов в качестве некоего образца и ориентира при разрешении национальных споров. Из эпохи Франца Иосифа, писал в этой связи Т.М. Исламов, “изымаются и 1848–1849 гг., и Первая мировая война. Так, в памяти нескольких поколений австрийцев, да и не только одних австрийских “его подданных”, но и венгерских и других, остался образ благообразного старого господина с седой раздвоенной бородой. Увековечению и популяризации этого “имиджа” по-своему способствовал Йозеф Швейк с его добродушными шутками над облепленным мухами портретом старого императора, висящем на видном месте в зале пражского трактира. Впечатление о “благополучном царствовании” Франца Иосифа и добром императоре еще больше усилили обрушившиеся на народы бывшей его империи бедствия, связанные с фашизмом и Второй мировой войной”¹⁰. Таким образом, некоторые новые, идиллические интерпретации, даже если и видеть в них закономерную реакцию на прежнюю тенденциозность, также рискуют исказить историческую реальность односторонним подчеркиванием позитивных и игнорированием негативных сторон в истории многонационального государства.

Т.М. Исламов, не идеализируя габсбургские порядки, вместе с тем хотел показать в своих работах противоречивость исторического процесса, никогда не вписывающегося в априорно заданные формулы “тюрьмы народов” и т.д. Как, в самом деле, можно вывести из всех этих схем тот показательный факт, что, завоевав независимость лишь в 1918 г., Чехословакия сразу же вошла в первую десятку наиболее развитых стран мира? При том, что экономическое процветание чешских земель было, прежде всего, результатом стихийного развития капитализма, а не целенаправленной государственной политики, важно заметить, что габсбургские рамки отнюдь не стали препятствием на пути промышленного подъема. Не менее симптоматично, что формировавшаяся при отсутствии собственной государственности, в составе Австро-Венгерской монархии, чешская буржуазная нация стала в 1920-1930-е годы носителем одной из наиболее продвинутых (при всех своих изъянах) форм демократии в межвоенной Европе.

Т.М. Исламов не забывал и о другом: те малые славянские этносы Средней Европы, которые не имели в XIX в. собственной государственности, не всегда торопились распахнуть в сторону Востока двери “тюрьмы народов”, иногда предпочитая габсбургский гнет более “кровнородственному” российскому. Какие бы острые межнациональные противоречия ни раздирали империю, сохранение ее для народов, стиснутых между двумя колоссами – Германией и Россией, воспринималось некоторыми славянскими идеологами как вопрос жизни и смерти, единственный путь, позволяющий избежать ассимиляции. Так, теоретик австрославизма Ф. Палацкий писал об Австрии как о “европейской необходимости”, способной защитить малые нации Средней Европы от угрозы не только прусского пангерманизма, но и российского имперского панславизма, и, что не менее важно, гарантировать стабильность в регионе. И позже, вплоть до начала Первой мировой войны, большинство идеологов национальных движений Австро-Венгрии, включая Т.Г. Масарика, хотя и не было удовлетворено положением своих народов, все-таки чаще искало пути разрешения существующих проблем именно в рамках дуалистической монархии, не выступало за ее немедленное разрушение, отдавая предпочтение более плавной трансформации в иное качество. Идеи дунайской федерации

Габсбургов. В силу этого там сохранялся иммунитет против предубеждений европейских союзников, что, кстати сказать, стимулировало и развитие научного знания – со временем в США сложилась сильная школа по истории Австро-Венгрии, высоко ценившаяся Т.М. Исламовым.

¹⁰ Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней. М., 1991, с. 286.

или конфедерации, которые выдвигал, в частности, лидер венгерской революции 1848 г. Л. Кошут, страдали явным утопизмом, тогда как монархия Габсбургов существовала реально, при всем своем системном несовершенстве внушая многим современникам надежды на возможность реформирования.

Попыткам реформирования системы межнациональных отношений, как в масштабе всей монархии, так и в отдельных ее частях, Т.М. Исламов уделял особое внимание. При этом он тщательно анализировал причины неудач. Хотя идейно-политические традиции дома Габсбургов мало отвечали задачам реорганизации монархии на новых основаниях, активизация национальных движений, усиление центробежных тенденций в империи, равно как и внешние вызовы (в первую очередь прусский), вынудили венские власти всего через десятилетие после подавления венгерской революции к поиску компромиссных решений. Реальное воплощение на практике получило австро-венгерское Соглашение 1867 г. Оно дало империи иллюзию стабильности, но в лучшем случае только на три десятилетия, и то лишь ценой отчуждения славянских народов, составлявших более половины населения монархии. К началу XX в. соглашение дома Габсбургов с Венгрией в силу многих причин дало явную трещину, перестав удовлетворять обе стороны. Имперская идеология, коренившаяся в феодальных, династических концепциях, при всем своем наднациональном содержании так и не сумела предложить эффективных способов согласования интересов центра с интересами отдельных наций. Репутация великой державы, способной хоть как-то оградить своих разноязыких подданных от внешних агрессий, да привычное поклонение граждан престарелому императору Францу Иосифу, символизировавшему незыблемость устоев, были единственным, что поддерживало существование Австро-Венгрии, пока не разразилась Первая мировая война, отнюдь не переломившая вектора развития, но вместе с тем ускорившая крах когда-то могущественной европейской империи, слабеющей с каждым десятилетием, превращавшейся в сателлита Германии. Раздираемая внутренними противоречиями и полностью подчинившая свою внешнюю политику интересам Германского рейха монархия Габсбургов вопреки ожиданиям некоторых политиков так и не стала гарантом поддержания равновесия, сохранения стабильности в регионе.

Оценивая роль венгерского фактора в монархии, Т.М. Исламов, с одной стороны, отмечал его консолидирующее значение в условиях вызова пангерманизма и панславизма (в различных формах). С другой стороны, он признавал, что зачастую в первую очередь именно Будапештом блокировалась выработка иных, возможно более совершенных способов организации средневропейского пространства.

Сосредоточившись на общих проблемах истории Австро-Венгрии, ее внешней политике, отношениях с Российской империей, Т.М. Исламов в 1980–1990-е годы опубликовал целый ряд статей, главы в коллективных трудах¹¹. С изучением им австро-венгерской истории тесно связан его интерес к средневропейской идее и – шире – проблеме формирования историко-географических регионов Европы. Статьи по этому кругу проблем были опубликованы им в “Европейском альманахе”, журналах и сборниках¹².

Значительные изменения, произошедшие в Европе с конца 1980-х годов, заставили историков по-новому взглянуть на некоторые устоявшиеся определения и в том числе переосмыслить содержание понятия “Восточная Европа”. Раздел континента на сферы влияния сверхдержав по итогам Второй мировой войны, установление биполярной ялтинско-потсдамской системы международных отношений, затушевав региональную специфику Средней Европы и Балкан, выдвинули на первый план (не только в СССР, но и на Западе) именно эту дефиницию с присущей ей ярко выраженной политической окраской. Жесткие категории межблокового противостояния не всегда позволяли раз-

¹¹ Список основных его трудов см. в книге: Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII – XX века. Памяти Т.М. Исламова. СПб., 2009.

¹² См., например: *Исламов Т.М., Фрейдзон В.И.* Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? – *Европейский альманах: История. Традиции. Культура.* 1992. М., 1992, с. 119–133; *Исламов Т.М.* Средняя Европа на начальном этапе модернизации. – *Центральная Европа как исторический регион.* М., 1996, с. 49–72.

глядеть средневропейскую специфичность, отличив ее от балканской. Только с крушением послевоенной системы с прежней отчетливостью обозначились исторически сложившиеся существенные различия между странами, относившимися к распавшемуся советскому блоку, сама средневропейская идея получила новое звучание.

Средневропейская региональная специфика, как неоднократно отмечал в своих работах Т.М. Исламов, складывалась не только под влиянием внешних сил. Народы, веками проживавшие в тесном соседстве, на определенной географической территории, где сами границы этносов всегда носили довольно размытый характер, сформировались в некоторую наднациональную общность, история которой дает нам примеры не только отталкивания, но и притяжения. Опыт их сосуществования, по мнению Т.М. Исламова, бесполезен нам сегодня в поисках путей европейской интеграции.

Несомненно, что главным регионообразующим фактором в Средней Европе было многонациональное государственное образование – Австрийская империя, с 1867 г. Австро-Венгерская монархия. По справедливому замечанию Т.М. Исламова, эти земли на протяжении “бурной истории могучими порывами кидало от берега к берегу до тех пор, пока утвердившаяся здесь новая средневропейская империя не стабилизировала международно-правовой статус региона и его положение в отношении к соседним регионам”¹³. И совершенно естественно, что в странах Средней Европы любые размышления на тему о путях и формах межнациональной интеграции и гарантиях общей безопасности не могут в той или иной мере не отталкиваться от опыта Австро-Венгрии, монархии, переставшей существовать еще в 1918 г., но оставившей во многом уникальное по своей многогранности историческое наследие, без критического изучения которого едва ли смогут обойтись те, кто занят поисками путей разрешения национальных проблем.

Более двух десятилетий Т.М. Исламов по сути дела возглавлял направление отечественной историографии, сосредоточенное на изучении истории межэтнических взаимоотношений в Средней Европе в новое и новейшее время. Некоторые его замыслы были реализованы в коллективных трудах, подготовленных вместе с учениками и единомышленниками¹⁴. В силу традиции, начавшей формироваться в отечественной исторической науке еще в XIX в. и получившей новые импульсы в середине 1940-х годов, региональным подходом при изучении истории Средней Европы и Балкан нередко пренебрегали, тогда как явный приоритет отдавался систематизации изучаемых стран и народов по этническому признаку. Славянским народам иногда уделялось внимание непропорциональное реальному весу некоторых из них в полиэтничном государстве, что неминуемо приводило к искажениям. Габсбургский, имперский контекст, этнокультурная, этнополитическая среда существования отдельных славянских народов прорисовывались во многих славистических работах довольно слабо. Так, рассмотрение истории Словакии в XIX – начале XX в. часто происходило в отрыве от общих политических и социальных процессов, протекавших в Венгерском королевстве, неотъемлемой частью которого была вплоть до 1918 г. Словакия.

¹³ Исламов Т.М. Средняя Европа на начальном этапе модернизации, с. 52; *его же*. Империя Габсбургов: становление и развитие. XVI–XIX вв. – Новая и новейшая история, 2001, № 2. Эта статья явилась итогом многолетнего изучения истории полиэтничной дунайской державы и опиралась на новейшие достижения международной историографии.

¹⁴ См., в частности, сборники: *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX века*. М., 1991; *Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.)*. М., 1991; *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX века*. М., 1991; *Национализм и формирование наций: теории – модели – концепции*. М., 1994; *Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства*. М., 1995; *Центральная Европа как исторический регион*. М., 1996; *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика*. М., 1997; *Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы)*. М., 1999. Часть из них была подготовлена по итогам представительных международных конференций.

Т.М. Исламов признавал, что существование самостоятельной области знания – исторического славяноведения способствовало более углубленному изучению многих конкретных проблем истории отдельных народов. Отдавал он себе отчет и в сугубо психологических причинах, заставлявших историков второй половины XX в. (не только в СССР) уделять подчас несколько гипертрофированное внимание среднеевропейскому славянству (и в частности, в монархии Габсбургов): опыт Второй мировой войны не только делал затруднительным беспристрастное отношение к роли немецкого элемента в развитии региона, но и вел к непомерному возвеличению германо-славянского противостояния как фактора исторического процесса. Между тем, применительно к ряду периодов новой истории абсолютизация такого противостояния создавала не всегда адекватное представление о месте и значении русско-славянских связей в культурно-историческом развитии западных и южных славян. А самое главное, не обращалось должное внимание на сложность межнациональных отношений внутри империи Габсбургов, в которую часть славянства неплохо интегрировалась. Идеи славянской взаимности, замечал Т.М. Исламов, становились востребованными и популярными “в моменты национальных катастроф, когда та или иная славянская нация особенно ощущала потребность в дополнительной поддержке”¹⁵. Действительно, они придавали сербам и болгарам сил в борьбе с турецким игом, выполняли защитную функцию в условиях, когда чехам, словакам, хорватам, словенцам угрожали германизация или мадьяризация. Повышение интереса к концепциям славянской общности было характерно для чешской интеллектуальной элиты в период Второй мировой войны. Стимулируя историческую память, повышая статус этнического самосознания малых общностей и облегчая преодоление локальной и религиозной разобщенности славянских народов в условиях чужеземного гнета, эти идеи вместе с тем иной раз уводили в сторону от понимания конкретных нужд национального развития. Как бы там ни было, сыграв свою позитивную роль в экстремальной ситуации, “увлечение славянским вопросом всегда быстро уступало место другим, не привязанным жестко к принципам и критериям языкового родства”¹⁶.

Как ни болезненно это подчас воспринималось в России, ход истории постоянно свидетельствовал о том, что по мере своей политической эмансипации зарубежные славяне все более тянулись к Западу, к более прогрессивным формам жизни. И наиболее мудрые петербургские дипломаты кануна Первой мировой войны осознавали, что венгерский “гнет быть может есть лучшая гарантия любви венгерских славян к России. С прекращением его у них явятся другие интересы и – большой вопрос, будут ли последние соответствовать нашим”¹⁷. В одной из памятных бесед Т.М. Исламов горячо солидаризировался со словами известного филолога А.Н. Пыпина, заметившего, что Россия может стать примером для других славянских народов не иначе как после значительной внутренней работы над самой собой, над условиями своего быта¹⁸. А как историк-практик, отдавая дань славистической тематике (и читая в 1990-е годы курс истории зарубежного славянства в Государственном университете гуманитарных наук), Т.М. Исламов последовательно отстаивал необходимость более сбалансированного регионального подхода к среднеевропейской истории, где судьбы славянских и неславянских народов были тесно переплетены. Он считал методологически ошибочным исследование любого народа изолированно, в отрыве от истории окружающих его этносов, равно как и от общих тенденций развития полиэтнических государственных образований, включавших в себя данный народ. К сожалению, усилия Т.М. Исламова

¹⁵ Исламов Т.М. Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН. – Новая и новейшая история, 1996, № 5, с. 22.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ненашева З.С. Словацкий вопрос в контексте национальных движений Венгрии в конце XIX — начале XX в. (По материалам российских дипломатических служб). – Славянский вопрос: веки истории. М., 1997, с. 146.

¹⁸ См.: Стыкалин А.С. Метаморфозы истории и славянское братство: Размышления над книгой. – Славянский альманах. 2000. М., 2001, с. 236–246.

по созданию на базе Института славяноведения Центра австро-унгаристики и комплексных средневропейских исторических исследований были в значительной мере сведены на нет в конце 1990-х годов, и отчасти по субъективным причинам. На каком-то этапе в процессе очередной реорганизации возникла даже идея вывести унгаристику из стен Института, в котором сложилась давняя традиция унгарологических исследований. Т.М. Исламов и его ближайший друг В.П. Шушарин (крупнейший отечественный медиевист-унгарист) реагировали на это негативно. Мађьяры, еще в IX в. вклинившиеся между западным и южным славянством, настолько сплели свою судьбу с судьбами славянской общности, что игнорировать венгерский контекст при изучении славянского мира – пагубно для самой славистики.

В последние десятилетия круг научных интересов Т.М. Исламова охватывал три столетия. В ряде статей конца 1990-х годов он обратился к изучению международных отношений середины – второй половины XVIII в.¹⁹ Одной из излюбленных тем Т.М. Исламова оставалась венгерская революция 1848 г., которую он неизменно рассматривал в общеевропейском контексте. На рубеже 1990–2000-х годов в работах некоторых известных историков наметилась тенденция представить едва ли не магистральной тенденцией антиабсолютистской демократической революции 1848–1849 гг. столкновение на национальной почве славян в лице сербов и хорватов с мађьярами, проводившими шовинистическую политику в отношении других народов. По мнению И.В. Чуркиной и ряда других историков, именно венгры разрушили единый фронт народов Австрийской империи против Габсбургов и дали возможность последним укрепить свое положение²⁰.

Вступивший в дискуссию Т.М. Исламов писал о том, что произошедший в 1848–1849 гг. в Средней Европе необычайно мощный всплеск страстей на национальной почве впервые в мировой истории воочию продемонстрировал в масштабе всего региона взрывную силу национализма во всех его формах и проявлениях. Национальный момент, конечно, с самого начала присутствовал и в венгерском революционном движении, однако не был, по его мнению, доминирующим, играл подчиненную роль, по крайней мере, на первых порах. Программа Л. Кошута, относящаяся к весне 1848 г., ставила своей целью введение конституционного строя в масштабе всей обширной средневропейской империи. Не утрачивая своего национального характера, венгерская революция вместе с тем потенциально имела все шансы перерасти узконациональные рамки, поскольку совершалась во имя фундаментальных интересов всех народов монархии. Не удивительно, что венгерская инициатива была по достоинству оценена в либеральных, демократических кругах Австрии. Буржуазные по содержанию политические, социальные и экономические реформы, осуществлявшиеся в Венгрии в марте – апреле 1848 г., по мнению Т.М. Исламова, не имели специфической национально-мађьярской окраски. Полезные и необходимые с точки зрения национального развития всех народов земель “венгерской короны”, они не предусматривали никаких дискриминационных мер в отношении меньшинств. От аграрных преобразований, проведенных революционным венгерским правительством, выиграли все национальности, но особенно славяне и румыны – преимущественно крестьянские по своей социальной структуре народы полиэтничной Венгрии.

Их национальные движения весной 1848 г. развивались в русле общедемократической антифеодальной и антиабсолютистской революции. Но это было лишь начало широко развернувшегося демократического процесса, народы же ждали продолжения. Национальные элиты с особым нетерпением ожидали от венгерского правительства как минимум закрепления за этническими общностями специфических коллективных прав,

¹⁹ См., в частности: *Исламов Т.М.* Заговор против Польши. О роли русско-прусско-австрийского альянса 1772–1773 гг. в разделе Польского государства. – *Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой.* М., 1999.

²⁰ См., в частности: *Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений.* – *Славяноведение*, 2003, № 5, с. 63–72.

создания гарантий национально-культурного развития в рамках венгерского государства. Правительство же не было готово пойти достаточно далеко навстречу специфическим, и справедливым, требованиям национальных меньшинств. Оно полагало, что общегражданских прав, политических свобод и освобождения крестьян без выкупа было достаточно, чтобы удовлетворить чаяния национальностей и сделать их союзниками революционной Венгрии. Политические элиты славянских народов, а также румын смотрели иначе. Это выяснилось через несколько месяцев после начала революции, в ходе формулирования национальных программ. С течением времени как хорваты, так и сербы все более решительно выдвигали требования широкой национальной автономии. Однако венгры видели в этом нарушение целостности своего государства. В условиях существования независимой Сербии предоставление автономии граничащей с ней Воеводине действительно могло быть воспринято как шаг к отделению, и Кошут не хотел здесь идти на компромисс. Как бы там ни было, участие хорватов и сербов в подавлении венгерской революции не имело ничего общего с подлинными национальными интересами названных народов. На первый план, по глубокому убеждению Т.М. Исламова, вышли ложно понятые национальные интересы: были выдвинуты лозунги, отнюдь не ориентировавшие на радикальную модернизацию социальных структур и политического строя общества. Верх одержал узкий национализм, не способный дать адекватный ответ на вызовы времени в интересах собственного народа. В свою очередь абсолютистская реакция меньше всего была озабочена национальными чаяниями сербов и других югославян, хотя и сумела использовать разрушительную энергию национализма в целях реставрации.

Хотя главная линия водораздела (Т.М. Исламов был в этом уверен) пролегла в 1848–1849 гг. не между отдельными народами, а между свободой и несвободой, между феодально-абсолютистским режимом и новым обществом, обострившиеся межэтнические противоречия так и не получили разрешения. Это в корне перечеркнуло заманчивую перспективу, открывавшуюся перед венгерской революцией, успех которой был бы сопряжен с уничтожением абсолютизма и исчезновением самой империи, а потому неминуемо должен был привести к радикальнейшему геополитическому сдвигу в средневропейском регионе и, более того, к кардинальной перестройке международных отношений и системы союзов во всей Европе²¹.

В 1990–2000-е годы Т.М. Исламов довольно много продолжал заниматься международными отношениями в Европе в XIX – начале XX вв. и особенно внешней политикой Австрийской империи (затем Австро-Венгрии), а также российско-австрийскими отношениями²². Он принимал активное участие в работе Российской ассоциации историков Первой мировой войны с момента ее основания в середине 1990-х годов. О роли Австро-Венгрии в Первой мировой войне, о сараевском убийстве и австро-сербском конфликте Т.М. Исламов писал в целом ряде работ, включая разделы коллективных трудов²³. В последнее десятилетие жизни Т.М. Исламов много размышлял не только над глубинными причинами распада монархии Габсбургов, но и над возможными альтернативами

²¹ О революции 1848–1849 гг. в Венгрии, сложных взаимоотношениях венгерского революционного движения с национальными движениями других народов монархии Габсбургов Т.М. Исламов писал в разных работах, в том числе в коллективном труде «Европейские революции 1848 года. “Принцип национальности” в политике и идеологии». М., 2001.

²² См. одну из его позднейших, итоговых статей: Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии. – Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели, вып. 1. М. – Ставрополь, 2004, с. 4–63. Из других работ см.: *Исламов Т.М.* Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVII–XIX вв.). – Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.

²³ Т.М. Исламов был в числе авторов таких трудов, как: Первая мировая война и ее последствия. М., 1996; Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998; Мировые войны XX века, т.1. М., 2002. Итоговой для автора в плане разработки данной темы была статья: “Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи”. – Новая и новейшая история, 2001, № 5.

реализованному пути развития, а также над последствиями краха Австро-Венгрии для средневропейского региона. Да, правящие элиты обеих половин монархии, сопротивляясь любым проектам далеко идущей федерализации, оказались неспособны дать адекватный требованиям времени ответ на вызовы национализма. И в этом смысле опыт монархии Габсбургов дает сегодня нам больше предостережений, нежели позитивных образцов. Но нельзя забывать и о другом. В 1920-е годы, строя Версальскую систему, лидеры стран-победительниц не учли, что наднациональной монархии Габсбургов “надо было найти какую-нибудь замену, раз уж она должна была исчезнуть”²⁴. Между тем, и Малая Антанта, противостоявшая реваншистским устремлениям хортистской Венгрии, и Лига наций оказались еще менее способны, чем династия, выступить в роли некоего консолидирующего центра, примиряющего противоборствующие национальные идеи. Декларированный принцип “одна нация – одно государство” не был реализован, слишком велико было несовпадение между установленными государственными и этническими границами. Почти в каждой из стран большую долю населения составляли меньшинства с развитым национальным сознанием, для которых образованные унитарные государства никак не могли стать “своими”, доктрины чехословакизма и югославизма показали в этом смысле неэффективность. Некоторые из меньшинств, в частности венгерское в Чехословакии, Румынии и Югославии, имели центры притяжения за границей, и в силу этого любое требование о расширении их прав воспринималось правящими кругами молодых государств как потенциальная угроза целостности; реальная же политика хортистского режима лишь убеждала их в опасности венгерского ирредентизма. Нерешенная проблема национальных меньшинств и – шире – отсутствие эффективного механизма согласования национальных интересов (как внутри отдельных стран, так и в межгосударственных отношениях) на протяжении всего межвоенного периода оставались источником немалой напряженности в регионе. Таким образом, острые межэтнические конфликты в регионе не исчезли, были лишь перенесены в другую плоскость, вынесены за пределы отдельных государств, превратились в межгосударственные.

Логика творческого пути историка, заставляя его задуматься над неоптимальностью воплотившейся с распадом монархии Габсбургов модели развития, приводила к тому, что центр тяжести в исследованиях Т.М. Исламова со временем все больше перемещался с новой истории на новейшую. Когда отпали политические препятствия, стоявшие на пути изучения национально-территориальных споров в регионе, долгое время относившемся к советской сфере влияния, он в числе первых в российской историографии обратился к выявлению исторических истоков некоторых из них. Важным вкладом в науку явились опубликованные в России, Венгрии и Румынии его подлинно новаторские работы (по большей части выполненные в соавторстве с Т.А. Покивайловой) о румыно-венгерском споре из-за Трансильвании в годы Второй мировой войны и послевоенного формирования Ялтинско-потсдамской системы международных отношений²⁵. В этих трудах, основанных на скрупулезном изучении документов Архива внешней политики России, румыно-венгерские территориальные противоречия рассматривались в контексте советской политики и отношений великих держав с учетом обстановки на фронтах Второй мировой войны. Венцом многолетних архивных изысканий явился сборник документов под редакцией Т.М. Исламова “Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946” (М., 2000), вызвавший международную дискуссию, к которой подключился даже тогдашний министр иностранных дел

²⁴ Исламов Т. Конец средневропейской империи, с. 41.

²⁵ Речь идет о журнальных статьях, а также главах в коллективных трудах: Очаги тревоги в Восточной Европе (драма национальных противоречий). М., 1994; Война и политика. 1939–1941. М., 1999; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 – 1941 гг. М., 1999; Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос 1940–1946 годы. М., 2008.

В Румынии была опубликована монография: *Islamov T., Pokivailova T., Vinteler O. Din culisele luptelor pentru Ardeal*. Cluj, 2003.

Румынии и бывший премьер-министр этой страны П. Роман²⁶. Статья Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой “СССР и трансильванский вопрос (1945–1946)” вышла буквально в последние дни жизни Тофика Муслимовича Исламова²⁷. Т.М. Исламов участвовал также в публикации документов из российских архивов, касающихся венгерской революции 1956 г.²⁸ Его статья по историографии венгерского восстания вызвала дискуссию²⁹.

Т.М. Исламов посвятил свою жизнь изучению региона, где испокон веков происходили острые национально-территориальные споры, и специфическая средне-европейская ментальность, средневропейская идея, если и пробивали себе дорогу, то вопреки всем драматическим, подчас кровавым катаклизмам, которые разводили национальных политиков по разные стороны баррикад и наносили каждой из наций региона плохо заживающие раны. Причем центральноевропейские споры имели тенденцию к перерастанию в глобальные. Вершители судеб Европы всегда исходили из того, что регион нестабилен, и строили именно на этом свои планы по организации данного геополитического пространства в соответствии с собственными интересами. По образному замечанию одного из историков, “мешок, в который собирали этих беспокойных блох, как правило, шили где-то вне Центральной Европы. Без внешних скоб и гарантов, которыми могли быть то Габсбурги, то Гогенцоллерны (Mitteleuropa), то Запад (Версальская система), то Восток (Ялтинские решения), стабильность этого региона считалась невозможной или ненадежной”³⁰. Для такого знатока истории межнациональных отношений в регионе как Т.М. Исламов проблема национализма была не просто отстраненным объектом научного анализа, но предметом неустанных размышлений, питаемых как историческим опытом, так и, в не меньшей мере, современными впечатлениями³¹.

В контекст этих размышлений, особенно в связи с событиями в бывшей Югославии и вокруг нее, неизменно входила и Россия. Т.М. Исламову всегда была присуща нетерпимость к ущемлению национальных чувств, к любым проявлениям великодержавного шовинизма, который (в чем он был глубоко убежден) унизителен как раз для представителей большой нации. Человек, связавший себя с Россией и русской культурой, он чутко реагировал на имперские, великодержавные жесты в политике царской России, СССР, постсоветской России, отнюдь не прибавлявшие стране авторитета и уважения соседей, а ее народу и народам самоуважения. И не менее болезненно – на стремление некоторых политиков следовать ложно понятым, искаженным национальным интересам. При этом, как и подобает настоящему профессионалу, Т.М. Исламов не мог уйти от исторических параллелей. Так, размышляя в одной из дискуссионных статей над событиями июля 1914 г., дилеммами, стоявшими перед российской политикой в тот период, он довольно провокативно обращался к дню сегодняшнему. В том ли состоит национальный интерес России, чтобы дать себя вовлечь в явно авантюрные предприятия и во имя какой бы то ни было солидарности (не столь уж важно, в конце концов, какой – пролетарской, общеславянской, православной и т.д.) жертвовать собственной безопасностью? Где тот предел, до которого должна простираться поддержка Российской амбиций своих действительных или мнимых стратегических союзников³². Столь

²⁶ Новая и новейшая история, 2000, № 6.

²⁷ Вопросы истории, 2004, № 12.

²⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.

²⁹ См.: Вопросы истории, 1997, № 11; Вопросы истории, 1998, № 10.

³⁰ Кржжен Я. Центральная Европа: какой она видится из Чехии, – Европейский альманах. М., 1993, с. 88.

³¹ См.: Исламов Т.М. Национализм как реальность и научная проблема XX века. – Очаги тревоги в Восточной Европе (драма национальных противоречий), с. 3–10; *его же*. О торжестве “национальной идеи”. – Свободная мысль, 1997, № 8, с. 95–104.

³² См.: Исламов Т.М. История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков XX столетия. – Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. Памяти В.П. Шушарина. М., 2004, с. 289–313.

категоричная постановка вопросов, обращенных не только к историкам, публицистам или политикам, а скорее к общественному мнению, вызывала возражения некоторых коллег³³, а иногда и яростную отповедь. Однако Т.М. Исламов, человек довольно мягкий в повседневной жизни, был тверд в своем убеждении: главный урок, который следует извлечь из исторического опыта европейского развития двух последних столетий, заключается в том, насколько не безобидна в своих крайних проявлениях национальная идея, и сколь недалек от нее, а подчас и огнеопасна политика поощрения национализма извне, даже под самым благовидным, казалось бы, предлогом. Но как бы там ни было (Т.М. Исламов оставался оптимистом), никакой агрессивный национализм не способен переломить тенденции к единению народов.

Что же касается югославянских и – шире – балканских проблем, то в последние годы жизни они занимали все более значительное место в сфере интересов Т.М. Исламова. Почему в конце 1990-х годов, как и в начале 1940-х годов, мир вновь стал свидетелем развала на составные части полиэтнического государственного образования, на предшествующем периоде своей истории доказавшего силу и жизнеспособность? Да, на определенных отрезках исторического процесса (в условиях Первой мировой войны, на заключительном этапе Второй мировой войны и не в последнюю очередь в обстановке обострения советско-югославских отношений в 1948 г.) хорватская и словенская национальные идеи подчиняли себя общему идеалу югославизма, а политики приносили национальные чаяния отдельных народов в жертву единому государству. Но искусственное объединение разнотипных по своему социально-экономическому и культурному развитию народов под единой государственной крышей не могло быть долговечным. Неудачу югославизма Т.М. Исламов связывал с неразрешимой проблемой соединения в одном государстве двух цивилизационных начал – балканско-православного (с сильным элементом османской политической традиции), с одной стороны, и латинско-среднеевропейского – с другой. Последствия искусственного симбиоза двух культурно-цивилизационных моделей не были устранены ни монархическим режимом межвоенной Югославии, ни коммунистическим режимом послевоенной (при всем дистанцировании Тито от интегралистской югославянской идеологии, тем более в ее великосербском варианте), что и стало главной причиной краха многонационального государства. Новое объединение югославян не лишено перспектив, полагал Т.М. Исламов, однако оно неотделимо от общеевропейских интеграционных процессов.

Т.М. Исламов, владевший основными европейскими языками, внимательно следил за современной мировой историографией, происходящими в ней дискуссиями как по общим теоретико-методологическим проблемам изучения отдельных европейских регионов, так и вокруг конкретных ключевых моментов истории стран Средней и Восточной Европы. При этом он старался не только творчески осмыслить результаты исследований зарубежных коллег, но и сделать их достоянием российской профессиональной аудитории. Показательна в этой связи его статья “Европейские историки о европейской истории”³⁴. В своих историографических работах Т.М. Исламов проявлял особый интерес к изучению в современной зарубежной (в первую очередь немецкоязычной, англоязычной, венгерскоязычной) исторической науке проблем нации и национализма. Реагировал он и на наиболее заметные достижения российских историков, такие, как например, подготовленный в Институте российской истории РАН многотомный труд по истории внешней политики России³⁵.

³³ См. в этой связи инициированную Т.М. Исламовым дискуссию о перспективах югославизма как программы политического объединения ряда южнославянских народов: *Исламов Т.М. Югославия: от объединения к разъединению.* – Вопросы истории, 2001, № 5; *Карасев А.В., Чуркина И.В., Шемякин А.Л.* О статье Т.М. Исламова “Югославия: от объединения к разъединению”. – Там же, 2002, № 1.

³⁴ Новая и новейшая история, 2003, № 5.

³⁵ *Виноградов В.Н., Исламов Т.М., Ревякин А.В.* Пять веков внешней политики. – Новая и новейшая история, 2004, № 1, с. 151–164.

Ученый с международной известностью, Т.М. Исламов многократно представлял СССР и Россию на конференциях в разных странах мира. Первый раз он выехал за рубеж в 1957 г. в Венгрию, через полгода после драматических событий в этой стране. Он познакомился в тот свой приезд с молодыми историками – Ф. Мучи, Ан. Йожей, крепкую дружбу с которыми пронес через всю жизнь. Еще в 1970-е годы Т.М. Исламов стал одним из основателей совместной комиссии историков СССР и Венгрии, долгие годы (до лета 2004 г.) возглавлял российскую часть комиссии историков России и Венгрии, работающей весьма плодотворно и после его смерти под руководством академика Ю.С. Пивоварова. В конце 1990-х годов он стоял у истоков другой совместной комиссии историков – российско-австрийской и в последние годы жизни отдавал ей немало сил. В своих выступлениях по проблемам истории Австрии и австрийско-российских отношений в XIX – начале XX в. Т.М. Исламов не ограничивался политической тематикой, сотрудничеством и соперничеством двух монархий на международной арене, он проявлял все больший интерес к австронемецкой культуре. К сожалению, он уже не смог увидеть напечатанной свою принципиально важную статью “Модерн в Средней Европе. Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация”, вышедшую в сборнике “Модерн. Модернизм. Модернизация” (М., 2004) по итогам конференции, посвященной эпохе модерна в российской, австрийской, германской культуре. Но переведенный и опубликованный по его инициативе сборник избранных работ выдающегося венгерского политолога И. Бибо на русском языке Т.М. Исламов все же успел подержать в руках³⁶.

Тесные связи у Т.М. Исламова были с американскими научными центрами, занимающимися историей Австро-Венгрии. В солидном ежегоднике “Остриен хистори еэбук”, других научных изданиях США опубликовано несколько его статей – о балканской политике Габсбургов, об отношениях России и Австро-Венгрии в условиях Восточного кризиса конца 1870-х годов, о российской историографии монархии Габсбургов, о проблемах формирования венгерской политической нации³⁷. Работы Исламова многократно выходили в Венгрии, неоднократно в Австрии и ряде других среднеевропейских стран. Последнее публичное выступление Тофика Муслимовича состоялось 24 сентября 2004 г. на конференции в г.Черновцы. В течение двух часов украинские и румынские коллеги не отпускали с трибуны известного российского историка, выслушивая его мнение по ряду острых проблем межнациональных отношений в Средней Европе (и, прежде всего, по трансильванскому вопросу) – мнение, как всегда основанное на глубокой проработке огромного фактического материала. Для Т.М. Исламова поездка в Черновцы осталась, наверно, последним ярким жизненным впечатлением – так сложилось, что из всех австро-венгерских исторических земель он не бывал до тех пор лишь в Буковине и приглашение украинских коллег воспринял с нескрываемой радостью.

Свою эрудицию и профессиональные навыки Т.М. Исламов передавал молодым поколениям историков не только в России, но и за ее пределами. С начала 1970-х годов он писал разделы для университетских учебных пособий по новой истории и историографии истории нового времени, в 1990-е годы преподавал в Государственном университете гуманитарных наук в Москве. Три десятилетия руководил аспирантами, многие из которых защитили под его руководством кандидатские диссертации. Очень много консультировал молодых иностранных ученых, приезжавших в Москву для работы в архивах. За месяц до кончины, случившейся под новый, 2005 г., прикованный к больничной койке после перенесенного тяжелого инфаркта, он писал, преодолевая боль, оппонентские отзывы на две диссертации, беспокоясь о том, что его неожиданная болезнь может отсрочить время защит.

³⁶ Бибо И. “О смысле европейского развития” и другие работы. М., 2004.

³⁷ См., например: The Balkan Policy of the Habsburg Monarchy and Austrian-Russian Relations. – Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870-es. New York, 1985, p. 31–41; From “Natio Hungarica” to Hungarian nation. – Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the SU. Minneapolis, 1992, p. 159–184; Soviet Historiography on the Habsburg Empire (в соавторстве). – Austrian History Yearbook, v. XXVI, 1995, p. 165–188.

Отзывчивость Тофика Муслимовича, его открытость поступавшим с разных сторон предложениям о сотрудничестве помешали ему реализовать некоторые собственные сокровенные замыслы. Остались незавершенными монографии о внешней политике Австро-Венгрии и российско-австрийских отношениях в эпоху дуализма, о деятельности Союзной Контрольной Комиссии в Австрии в 1945–1955 гг. Супруге Т.М. Исламова Елене Константиновне Вяземской видимо придется еще долгие месяцы заниматься разбором архива и обширного научного наследия своего мужа и учителя.

Вклад Т.М. Исламова в унгаристику был отмечен рядом венгерских правительственных наград. На его кончину отреагировали старейший венгерский исторический журнал “Сазадок”, Институт истории Венгерской Академии наук и ее бывший президент Ф. Глатц. Откликнулись на эту горькую утрату и в других странах.

Дело Т.М. Исламова продолжают его ученики, которых он по-отечески пестовал, передавая им не только сугубо методологические навыки, но и свои представления о научной этике.